

Обе надписи интересны сами по себе, но большую ценность они имеют, будучи сопоставлены с остальными дарственными документами, ибо в этом случае они становятся частью того важнейшего материала, на основании которого возможно изучение древнеегипетского землевладения, остающегося до сих пор по сути дела неизученным. Автор, однако, отказывается от рассмотрения указанной проблемы.

В работе дан перечень всех известных автору дарственных стел. Он правильно связывает назначение зафиксированных в них земельных дарений с более древними учредительными документами Древнего царства и договорами Сиутского номарха Среднего царства со жрецами заупокойного культа. Автор прав, когда, задумываясь над тем, почему на издаваемой им стеле Каирского музея, помимо дарителя, перед богами изображен фараон, находит объяснение этого в том, что царь рассматривался «теоретическим собственником всех земель Египта». Затрагивает автор и некоторые иные второстепенные вопросы, как-то: формулу дарения и термин, обозначающий дарение, для уяснения которых он привлекает данные нескольких дарственных. Он касается спорного в науке вопроса, где ставились стелы с высеченными на них дарственными: были ли они вотивными стелами, стоявшими в храмах, или служили межевыми плитами, и склоняется к этой последней точке зрения. Мне же думается, что правильны обе точки зрения, так как некоторые стелы безусловно ставились в храмы, тогда как другие, конечно, служили межевыми знаками. Последнее подтверждается не только двумя одинаковыми стелами, найденными в Абу-Симбеле, на которых основывает свое мнение Иверсен, но и тем обстоятельством, что нижняя часть некоторых стел оставлена свободной от надписей: это указывает на то, что такие стелы изготовлялись для того, чтобы их вкапывали в землю. То обстоятельство, что на границах земельных участков действительно ставились межевые камни, с очевидностью показывают древнеегипетские росписи, изображающие измерение полей: на некоторых из них видны межевые стелы.

Следует учитывать некоторые дефекты работы Иверсена. В автографии текста Каирской стелы, которую он дал в своей работе, имеются ошибки (например, в строках 2, 4 и 7), почему на нее и не следует полностью полагаться. В ссылках имеются описки, ошибки¹ и пропуски. Перечень дарственных стел, состоящий из тридцати пяти номеров, вопреки надежде автора, далеко не полон—к нему можно добавить, по меньшей мере, еще десять аналогичных документов, известных уже в литературе.

Несмотря на эти недостатки, работа Иверсена, содержащая критический перевод двух надписей может быть использована при изучении проблемы земельных отношений в Египте.

Проф. И. М. Лурье

WALBANK, Philip V of Macedon. Cambridge, 1940.

Рецензируемая книга Уолбенка занимает особое место в ряду новейших работ по истории эллинизма в период проникновения Рима в Грецию. Посвятив свое исследование деятельности предпоследнего македонского царя Филиппа V, автор поставил себе целью дать историю царствования Филиппа «не только как действующего лица в истории римского империализма, но и с точки зрения самой Македонии».

Исследование Уолбенка отнюдь нельзя считать только биографией Филиппа V. Его книга не ограничивается историей личных успехов и неудач македонского царя. Уолбенк излагает конкретный исторический материал, связанный с жизнью и дея-

¹ Так, например, в стеле Каирского музея 31653 в перечне стел (порядковый № 8) указано, что она издана в «Annales du Service des Antiquités de l'Égypte», т. 18, стр. 52—53, тогда как на самом деле она издана в «Recueil de Travaux», т. 18, стр. 52—53. В том же перечне (порядковый № 11) ошибочно указан номер стелы: ее номер 4680 (а не 41670), и издана она на стр. 192 (а не 7).

тельностью Филиппа V, на фоне сложных международных отношений конца III—начала II в. до н. э.

Книга начинается главой о Союзнической войне 221—217 гг., которая рассматривается с точки зрения влияния внешней политики молодого македонского царя на дела самой Греции («Филипп—на юге»). Участие Македонии и молодого Филиппа, продолжавшего политику проникновения в Пелопоннес, в Союзнической войне после разгрома Клеомена—таково в основном содержание данной главы. Уолбенк излагает подробно перипетии Союзнической войны в Греции, борьбы ахейско-македонской коалиции против Этолии и ее союзников в Пелопоннесе и в Средней Греции.

Следующая глава посвящена так называемой Первой македонской войне Рима в Греции, которая изображается Уолбенком как поворот политики македонского правительства в сторону Запада. Иллирийские походы Филиппа в 217 г. Уолбенк расценивает как вмешательство в сферу римского влияния в расчете на то, что Рим был занят войной с Ганнибалом (стр. 69 сл.). Уолбенк считает, что греко-иллирийское побережье безусловно входило в сферу римского влияния, начиная еще с первой иллирийской войны. Он дает даже карту сферы римского влияния в Иллирии и включает в нее широкую прибрежную полосу, начиная с Димал на севере и кончая Керкирой на юге (стр. 19).

Начало борьбы Филиппа V с Римом на западе, помимо расчетов македонского царя на то, что Рим был занят войной с Карфагеном, Уолбенк объясняет также надеждами Филиппа на возможность «радушного приема его как второго Пирра со стороны греческих государств» Италии. Поскольку Рим оказался способным защищать свои интересы, Филипп, согласно Уолбенку, предпочел объединиться в 215 г. с Ганнибалом, сознавая свою слабость по сравнению с Римом. Этими же опасениями в отношении Рима Уолбенк объясняет и бездеятельность Филиппа V сразу после разгрома римлян Ганнибалом при Каннах: Филипп, по мнению Уолбенка, выжидал исхода столкновения между Римом и Карфагеном, поскольку мир, который они могли заключить между собой, освободил бы силы Рима для борьбы с Македонией. «Бездеятельность» Филиппа после 215 г. Уолбенк объясняет тем, что македонский царь рассчитывал на помощь Ганнибала. Уолбенк ссылается на недостаток свидетельств, но, тем не менее, считает возможным утверждать, что только нетерпение вынудило Филиппа действовать более решительно после 214 г. и вступить в борьбу с Римом в годы так называемой Первой македонской войны, в результате которой македонский царь был вынужден отказаться от переправы в Италию и остаться в Греции, что и было «триумфом римской политики».

Поскольку источники все же говорят о победах Филиппа в ходе так называемой Первой македонской войны, Уолбенк оценивает эти победы в качестве «только инцидентов кампании», бывших, как правило, следствием «лености» римлян, «которые позволили» Филиппу победить, например, под Эхином (стр. 89 сл.). Зато победы самих римлян, по мнению автора, лишали Филиппа всякого самообладания, и последний старался рассеять дурное настроение дебошами в Аргосе.

Только «печальной слабостью» флота пунийцев (стр. 97), а совсем не видами самостоятельной политики Филиппа V на Востоке объясняет Уолбенк закладку македонским царем собственного флота. Нейтральные государства Греции, только благодаря «отсутствию римлян», по мнению Уолбенка, решились заговорить о мире между Македонией и Этолией и вообще об окончании войны на территории Балканского полуострова. Филипп согласился, в конце концов, на эти предложения именно потому, что опасался римлян, почти разгромивших к этому времени своих основных врагов—пунийцев, в частности разбивших шедшие на соединение с Ганнибалом войска его брата.

Поэтому и общий мир, заключенный в 205 г. в Фойнике, в Греции, мир, которым была завершена эта так называемая Первая македонская война, изображается Уолбенком по существу как римский мир (стр. 103 сл.), так как отклонение предложения посредников эпитротов «должно было навлечь несчастье, разгневать сенат и вывзвать римское вторжение». Подводя итоги исследованию западного направления внешней политики Филиппа V, Уолбенк вообще считает его ошибочным, продиктованным маке-

донскому царю его экспансивностью, непродуманным увлечением идеями мировых завоеваний, которую он унаследовал от своих предшественников.

Неодобрение Уолбенка вызывает и восточная политика Филиппа V—войны в области Эгейского моря и в Малой Азии в 205—200 гг., изложению которых посвящена следующая глава этой фундаментальной работы. Всю эту восточную политику македонского правительства, инициатором которой был Филипп V, Уолбенк квалифицирует как «варварскую» (стр. 272), сводя таким образом весь сложный клубок противоречивых международных отношений этих лет к моральной оценке методов ведения войны македонским царем. Вместо анализа сложной международной обстановки в годы войн Филиппа на Востоке Уолбенк ограничивается оценкой роли Рима. Рим выступает на Востоке сразу же ни с кем не сравнимой величиной и силой. Римские послы уже накануне так называемой Второй македонской войны находят, в частности, сирийского царя Антиоха «в полной готовности дать требуемые уверения» (стр. 135). Египет в то время, по мнению Уолбенка,—только игрушка в руках всевластного Рима. «Неосведомленный» о двойственной политике Рима, Египет, видевший в римлянах «защитников против Филиппа», был принесен, согласно автору рецензируемой книги, в жертву Римом. Уолбенк снова указывает на основную «ошибку» теперь уже восточного курса внешней политики Филиппа V, который начал серию завоеваний, не учтя прежде всего сил Рима и аморально действуя под влиянием плохих советников вроде Дикеарха и Гераклида. В связи с этим весьма сложная и противоречивая политика Сирии и Македонии по отношению к Египту трактуется автором рецензируемой книги как «воровской договор» (стр. 272), где договаривающиеся стороны не учли одного решающего момента—вмешательства Рима.

В том же духе написаны Уолбенком и центральные главы его книги—о борьбе римлян против Филиппа V в годы так называемой Второй македонской войны и о сотрудничестве Филиппа V с Римом против Антиоха в годы войны с Этолией и Сирией. Основной решающей силой в ходе этих войн Уолбенк считает Рим, его политикой, целями и задачами исчерпывая все содержание этих переломных лет в истории эллинизма. Поражение Филиппа V при Киноскефалах объединенными силами Этолии и Рима в 197 г., которым закончилась так называемая Вторая македонская война, Уолбенк считает в основном победой одного Рима и изображает как событие, в корне изменившее судьбы древнего мира, приведшее к безусловному превосходству Рима и к окончательному падению Македонии. При этом самое заключение Филиппом V мира с Римом Уолбенк связывает лишь с решающей победой последнего, не говоря ничего о необходимости для македонского царя встретить во всеоружии такую грозную опасность, как проникновение Сирии в сферу влияния Македонии. «Границы Греции, установленные после сирийской войны, исключали возобновление активности» Филиппа V, предполагает Уолбенк (стр. 220), указывая, что македонский царь в связи с этим «должен был примириться с потерей», направив свое внимание на северные границы, и начать, таким образом, политику «восстановления» Македонии в 189—179 гг.

Постоянно подчеркивая преобладающую роль Рима, Уолбенк, однако, считает, что походы Филиппа против варваров северной периферии были попыткой македонского царя создать балканскую державу (стр. 246). Но в дальнейшем автор не развернул этого положения, сведя его опять к стремлению Филиппа этим путем подготовить силы и средства для грядущей борьбы с Римом.

К истории Филиппа V автор дает ряд приложений в конце книги. Это прежде всего содержательный обзор источников—в первую очередь Полибия и Ливия. Основная мысль Уолбенка сводится к совершенно бесспорному положению, что, «несмотря на должное отношение к археологии, историю Филиппа V следует основывать на данных Полибия главным образом». При этом автор отмечает, что Полибий писал о Риме с «остро-проримской» (*keen pro-Roman*) точки зрения (стр. 279 сл.).

Второе приложение содержит ряд замечаний о военном деле при Филиппе V (вооружение, состав воинских сил и т. д.). Весьма обширно третье приложение, посвященное вопросам хронологии царствования Филиппа. Эти солидные, порой исчерпывающие очерки весьма ценны для всякого, кто занимается историей позднего элли-

низма. Они обнаруживают глубокую эрудицию автора и свидетельствуют о громадном труде, затраченном им при составлении этой книги. В конце приложена библиография.

Книга Уолбенка имеет бесспорные достоинства. Вместе с тем необходимо отметить в ней ряд методологических недостатков.

В буржуазной историографии создалось представление о неспособности греков жить в мире между собою и с соседями, о неумении их управляться самостоятельно, о том, что им было как бы предопределено подпасть под римское владычество. «Сражаться за греков—значит сражаться с ними»,—эта фраза старого французского историка Пти де-Жюльвиля¹ стала обычной в буржуазной историографии при оценке исторических судеб Греции в эллинистический период. Греко-эллинистический мир рассматривается как объект завоеваний, а история его отдельных государств—как совокупность событий и действий, в той или иной степени противодействовавших или способствовавших установлению римского владычества.

Этой односторонности суждений не избежал и Уолбенк. Хотя он и пишет о тенденциозности основного историка этой эпохи Полибия (стр. 281), это не мешает ему группировать весь материал вокруг Рима и его вмешательства в дела Востока. Упуская из виду, что всякого рода дипломатия является в конечном счете производным от социальных отношений и движений, в данном случае внутри самого греческого мира, Уолбенк фактически не выполнил своего намерения дать исследование по истории македонского царя «не только как действующего лица в истории римского империализма». Основным фоном в работе Уолбенка остался именно Рим. Под этим углом зрения изложены и иллирийские войны (стр. 69 сл.), и политика Филиппа по отношению к Карфагену. Вопросам внутренней социальной борьбы в самом греко-эллинистическом мире, которая была основным фоном деятельности Филиппа V, автор уделяет очень мало внимания. Он сводит ее к росту «демагогических движений» в соединении с «агрессивным империализмом», когда речь идет, например, о Спарте (стр. 164). Для Уолбенка связи Филиппа V с Набисом, главой спартанской революции, были лишь логическим завершением демагогии македонского царя.

Между тем недооценка Уолбенком внутренних сил самого греческого мира и переоценка роли Рима находится в противоречии с фактами, приводимыми в источниках.

Если взять в качестве примера положение непосредственно после поражения Филиппа V то оказывается, что, согласно Ливию (XXIX, 24, 7), сенат потому так вяло реагировал на попытки Филиппа вернуть себе влияние в Средней Греции, что там существовала сильная антимакедонская оппозиция. Вряд ли поэтому можно согласиться с Уолбенком, когда он это поведение сената объясняет «равнодушием» последнего к вопросам нарушения Филиппом прав частной собственности в Средней Греции (стр. 226). Именно исходя из решающей роли самих греческих государств в этот период, трудно согласиться с положением Уолбенка, сводящего решения антимакедонской союзной коалиции о спорных вопросах с Македонией в Средней Греции и Фракии к конъюнктурной политике Рима (стр. 234), интересами которого только будто бы и было продиктовано игнорирование в 191 г. деклараций 196 г.

Выпячивая всюду роль Рима, Уолбенк при этом забывает, что именно в эти годы даже сравнительно слабая Ахейская лига вела себя достаточно независимо по вопросу об устройстве дел в Спарте, не считаясь с представлениями римского сената и его легатов (Р о I., XXII, 13), и заключала самостоятельные союзы с Пергамом и Египтом (Р о I., XXII, 10 сл.). Была сильна и сама Македония, поскольку Риму приходилось идти извилистым путем, действуя через Деметрия, сына Филиппа, и подготавливая дворцовый переворот (Р о I., XXIII, 3, 4 сл.). Между тем Уолбенк считает возможным говорить о решениях сената, скорее наказывающего, чем награждающего Филиппа за его помощь Риму в борьбе с Сирией (стр. 236).

¹ Petit de Juleville, Histoire de la Grèce sous la domination Romaine, P., 1875.

В связи с этой романоцентрической точкой зрения в работе Уолбенка не получило подтверждения и выставленное им положение о том, что из сорока лет критической истории Средиземноморья «каждый носил марку Филиппа». И этого не получилось, несмотря на то, что Уолбенк историю всего периода пытается строить применительно к деятельности самого Филиппа. Уолбенк считает Филиппа только солдатом, который из сорока двух лет своего царствования только восемь не воевал (стр. 258), но отнюдь не полководцем и тем более не государственным человеком (стр. 263). Филипп, по его мнению, был попеременно игрушкой то Фламинина, то Набиса. Отсюда и получается, что Филипп не обнаружил «тревого понимания» возможностей, предоставленных ему на Западе Ганнибалом, но увлекся «романтическими традициями» своего дома о мировом господстве. Неудачи Македонии на востоке совершенно неоправданно сводятся Уолбенком к жестокости Филиппа (стр. 260), как будто методы ведения войны македонским царем не были общепринятыми в его время.

Любопытно, что при этой упрощенной концепции международных отношений того времени у Уолбенка имеются и противоречащие ей отдельные замечания вроде того, что Рим разбил Филиппа при потворстве его соперника, Сирии (стр. 272). То, что Уолбенк квалифицирует политику Филиппа по поддержке Рима в борьбе с Сирией как умную (стр. 273), находится в противоречии с его общим суждением о македонском царе.

Романоцентрическая точка зрения только и могла привести Уолбенка к заключительному положению об альтернативе, которая будто бы встала перед греческим миром: или идти на полное уничтожение эллинистической культуры, или примириться с возвышением государства, «способного навести порядок» (*imposing order*—стр. 274). Надо ли говорить, что такой державой Уолбенку рисуется именно Рим.

Уолбенк, как видно из его других работ, пытается, хотя и непоследовательно и путанно, материалистически осмыслить исторические явления. Но в данной работе приходится отметить скрывающиеся автора предвзятые установки при изложении истории рубежа III и II вв.

Все это происходит потому, что Уолбенк оставил в стороне социальную сторону вопроса, сводя все события лишь к внешнеполитической истории и априори признавая решающую роль Рима в делах Греции и Востока.

П. Н. Тарков

NORMAN H. BAYNES, The Hellenistic Civilization and East Rome, Oxford, 1946.

Небольшая книга известного византиниста Нормана Бейнза представляет собой лекцию, прочитанную в честь английского историка Джемса Брайса. Она посвящена вопросу о судьбах эллинистической культуры в римское и византийское время¹. Проследившая различные стороны эллинистической культуры, Бейнз приходит к выводу, что и в Византии сохранялась эллинистическая цивилизация (стр. 9), «эллинистический взгляд на вещи» (стр. 8).

Бейнз начинает свою книгу с очерка эллинистической религии и философии. Если в V в. до н. э., по мнению Бейнза, афинянин чувствовал себя прочно в этом мире, если он со своими богами, которые были не чем иным, как персонификацией его полиса, был в близких и как бы в реальных отношениях, то положение коренным образом меняется в IV в. «Гордая уверенность в демократии города-общины» уступает место разочарованию, которое находит свое отражение у Платона (стр. 10). В то же время Дионисий Сиракузский прокладывает новый путь исторического развития: городская община отступает перед монархией. Вместе с полисом теряли свое значение и городские боги. Лишившись их поддержки, человек оказался один перед лицом космоса—одинокий и растерявшийся (стр. 11).

¹ Ср. его статью «Some aspects of Byzantine Civilization», JRS, XX (1930).